

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

И.Е. Финкельштейн

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПЛЮРАЛИЗМ ПОДХОДОВ

ФИНКЕЛЬШТЕЙН Ирина Евгеньевна – ассистент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского государственного университета.

Email: finik82@mail.ru

В статье предпринимается попытка описать методологические основания хозяйственного поведения с точки зрения современной экономической теории и экономической социологии. Формулируются тенденции развития, характерные для методологии исследования хозяйственного поведения. В том числе рассматриваются следующие вопросы: утрата экономическим империализмом своих доминирующих позиций в структуре социально-экономического знания; утверждение ситуации плюрализма подходов к описанию хозяйственного поведения; формирование социальной эпистемологии.

Ключевые слова: хозяйственное поведение, экономическая рациональность, ограниченная рациональность, габитус, социальные нормы.

Введение

Ситуация плюрализма подходов к исследованию экономического (хозяйственного) поведения является следствием тех фундаментальных изменений, которые происходят в методологии науки начиная со второй половины XX века. Трансформации затрагивают ее основания: научную картину мира, идеалы и нормы научного познания, философские основания. Так, в последние десятилетия в вопросах методологии выделились две антагонистические позиции. Представители первой позиции – апологеты классических идеалов научности. Представители второй позиции открыты для поиска новых подходов, фундамент которых строится на иных мировоззренческих, методологических основаниях. Основную причину зарождения подобных взглядов усматривают в том, что классический идеал научной рациональности, догматический по своему характеру, не соответствует требованиям все более усложняющейся реальности и приводит к обедненному видению и пониманию мира.

Сторонники классической научной традиции считают подобные обвинения абсурдными, поскольку такая постановка вопроса выводит дискуссию на проблему демаркации научного и ненаучного знания. Исследователи, работающие в классической традиции, чаще всего не отрицают существующего зазора между научным познанием и многообразием жизни. Безусловно, научные дисциплины

существуют в рамках строго очерченного предмета, а вписывание полученного знания в общий контекст находится в компетенции философии. Неоспоримо и то, что теория – это абстракция и идеализация, но именно это позволяет создать четкую операционализированную систему для математического анализа и прогнозирования.

Преимущества второй позиции, которая стремится сократить дистанцию между научным знанием и действительностью, также неоспоримы. Во-первых, в фокусе научного интереса находятся реальные жизненные практики. Безусловно, такая борьба с научными редукциями обогащает научные представления, «оживляет» сухие цифры. Во-вторых, уровень научного развития всегда следует по пятам за неуловимой мыслью, и эта гонка всегда заканчивается победой последней. Как только наука дает ответы на поставленные вопросы, мысль уже ушла вперед, и предъявляет новые требования. Ведь наука это, по сути, инструмент, средство достижения целей, которые ставит перед ней социально-историческая, политическая, интеллектуальная ситуация. А излишняя догматичность науки ограничивает ее возможности увидеть новые грани: доминирующая в науке парадигма является той самой системой координат, через которую исследователь смотрит на мир и в соответствии с которой интерпретирует социальные факты и вырабатывает определенную логику доказательств. А чтобы догнать постоянно ускользающую от науки мысль, необходима рефлексия сложившегося «предпонимания».

Такой оформившийся в методологии науки антагонизм ввел экономическую науку в состояние мультипарадигмальности. В современных альтернативных классической теории подходах методология экономического поведения выстраивается на соотношении экономической, психологической и социальной составляющих поведения [Веселов 1998]. В данной работе осуществляется попытка методологического анализа доминирующих в современной экономической социологии подходов к изучению хозяйственного поведения.

Для этого необходимо провести реконструкцию понятия рациональности и охарактеризовать мотивационное ядро субъекта хозяйственной деятельности с позиций различных подходов; определить роль рациональности в процессе формирования поведения. Описание и сравнительный анализ некоторых направлений также позволят выявить ряд тенденций, характеризующих современную методологию социально-экономического исследования.

Мы обратимся к следующим вопросам: утрата экономическим империализмом доминирующих позиций в структуре социально-экономического знания; утверждение ситуации плюрализма подходов к описанию хозяйственного поведения; формирование социальной эпистемологии. Для этого мы последовательно рассмотрим методологические основания неоклассической школы, концепцию ограниченной рациональности и положения экспериментальной экономики, институциональной экономической теории (Дж. Ходжсон, Ф. Хайек), подход к экономической социологии Л. Тевено, теорию габитусов П. Бурдьё. В описании методологических тенденций, характерных для современного социально-экономического знания, нам помогли работы В.С. Автономова, О.И. Ананьина, Ю.В. Веселова, В.И. Дудиной, В.В. Радаева, Ф. Хайека, Й. Шумпетера.

При этом очевидно, что все трансформации, затрагивающие методологию социально-экономических исследований, в пределах одной работы охватить невозможно. Так, за рамками нашего исследования останется проблема осознания исследователем интенциональности, контекстуальности и операциональности научного познания.

1. Неоклассическая школа

Всякий раз, приступая к анализу человеческого поведения, исследователь должен ответить на вопрос, что такое рациональность. По мере эволюции экономической теории постепенно оформлялись контуры экономической, или совершенной, рациональности. Этот тип

рациональности составит «жесткое ядро» (в терминологии И. Лакатоса) классической экономической теории. Неоклассическая парадигма определяет экономическую рациональность по следующим критериям: формализм, антипсихологизм, осознанность, целенаправленность, оптимизация [Кизилова 2005: 152]. Рациональность проявляется как оптимизация полезности (целевой функции) при условии компетентности актора и ограниченности ресурсов. Маржиналистский подход предлагает более жесткий вариант, заменяя оптимизацию максимизацией. Согласно неоклассической парадигме поведение экономического субъекта регулируется рынком (цены) и объективными (материальными) возможностями человека. Другими словами, рациональность ограничивается лишь внешними факторами, сама способность к рациональному мышлению сомнению не подвергается. Такая модель-абстракция отвечает требованиям математизации, но работает только при условии равновесности системы.

Однако нельзя забывать, что своему появлению экономическая рациональность обязана функционированию общей мировоззренческой установки, сложившейся в эпоху Нового времени и представляющей собой непоколебимую веру в возможности человеческого разума. Рациональность являлась не только основой теоретических моделей, но и частью культуры, нормой поведения. В то же время первые классики политэкономии подчеркивали, что человек экономический, рожденный путем дедукции, хоть и является необходимым для выведения законов, регулирующих поведение субъекта хозяйственной деятельности, тем не менее остается лишь абстракцией, несводимой к реальному человеку, чье поведение регулируется огромным количеством факторов. Однако представители неоклассической школы часто забывают об относительности экономического человека [Радаев 2005: 94].

Итак, в неоклассической экономической школе рациональность субъекта признается абсолютной, и это необходимое допущение. Согласно формулировке английского экономиста Л. Роббинса, задача экономической теории сводится к исследованию рационально организованного индивидуального поведения [Кизилова 2006: 98]. Надо подчеркнуть, что экономическая наука в ее классическом варианте существует благодаря «безоговорочному допущению» рациональности человека в его хозяйственной практике. Хотя, безусловно, в реальной хозяйственной деятельности человек не всегда руководствуется рациональным мышлением. Насколько это несоответствие теории и реальности дискредитирует науку? В.И. Дудина, размышляя о специфике социального знания относительно естествознания, указывает на то, что точность в неопозитивистском смысле требует кодировать социальные процессы в числа, переводить их на язык математики, что, бесспорно, часто полезно. Однако это требует сознательного сужения общего контекста, в пространстве которого протекает тот или иной процесс [Дудина 2003].

Неоклассическая школа в описании поведения *homo economicus* опирается на следующие основные положения:

- *отказ от историцизма*. Предложенная теоретическая абстракция универсальна, независима от места и времени. Институциональная экономическая теория, эволюционные теории опровергают этот постулат. Одной из центральных тем анализа в рамках институционализма является зависимость от предшествующего развития;
- *равновесность, закрытость экономической системы*. В XX в. естествознание начинает включать в анализ неравновесные системы. Открытость экономики в анализ вводит институциональная теория;
- *«методологическая робинзонада»* – описание поведения человека исходя из его независимости от социального окружения. Ограниченность этого постулата была преодолена еще теорией игр, которая активно используется и в современной экономической теории;

– *абсолютная рациональность*. Поведение человека логично, он последовательно достигает своей цели по оптимизации. Поскольку, согласно классической научной традиции, разум универсален, то внешний наблюдатель (исследователь) адекватно считывает логику поведения объекта наблюдений. Критика этого постулата начинается с появлением концепции ограниченной рациональности, разработанной экономистом Г. Саймоном;

– *заданная функция предпочтений*. Теоретик институционализма Дж.М. Ходжсон приводит следующие опровержения этого постулата. Во-первых, в процессе обучения предпочтения могут меняться или формироваться новые. Во-вторых, неясно, как могут быть изначально заданы предпочтения относительно еще не появившихся изобретений [Ходжсон 2003].

Если проследить за эволюцией социально-экономической мысли, то можно заметить, как поочередно каждое из приведенных выше положений было подвергнуто жесткой критике со стороны других направлений, изучающих хозяйственное поведение человека.

Последующее развитие представлений о феномене рациональности экономического поведения связано с утратой ее абсолютности. Новые открытия, новые методики, междисциплинарные подходы способствовали расширению списка факторов, ограничивающих «совершенную экономическую рациональность». Можно выделить два вида ограничивающих факторов: эндогенные, связанные с *ограниченностью рациональности* субъекта хозяйственной деятельности (определяются способностями человека, в том числе его психическими, физиологическими, интеллектуальными характеристиками); экзогенные факторы, внешние по отношению к субъекту хозяйственной деятельности обстоятельства (неопределенность ситуации, информационная асимметрия, институциональная среда и т.д.), которые определяют *контекстуальность рациональности*.

2. Ограниченная рациональность

Тенденция психологизации привела к появлению новых трактовок рациональности в экономических исследованиях. Подвергается сомнению интеллектуальная и волевая способность «экономического человека» к последовательно рациональным действиям. Экономист Г. Саймон выдвигает концепцию «ограниченной рациональности», которая многими исследователями оценивается как наиболее операциональная альтернатива неоклассической традиции. Также в качестве иллюстрации процесса деканонизации совершенной рациональности можно привести концепцию «переменной рациональности», учитывающую физиологические стремления человека к экономии собственных усилий (Х. Лайбенштейн). Согласно этим концепциям, процедура принятия решения сводится к выбору первого удовлетворительного варианта. Д. Канеман, А. Тверски экспериментально показывают системные отклонения от рациональных расчетов в человеческом выборе [Радаев 2005: 94–95].

Но первый серьезный удар по совершенной рациональности нанес именно Г. Саймон. Хотя, по сравнению с ранее существовавшими, он предложил более корректное описание экономического поведения, его теория неоднозначна. С одной стороны, он не отказывается от допущения абсолютной рациональности, с другой стороны – подчеркивает, что человеческому разуму не свойственна универсальность: «Из-за недостаточности концептуальной способности люди не могут предвидеть каждую случайность. Из-за неравномерности, беспорядка в хозяйственной деятельности, неполной информации, все более усложняющейся рыночной среды, человеческий разум может никогда не преодолеть своей ограниченности. Поэтому не следует ожидать от субъекта экономического поведения истинно рационального поведения, поскольку разум “ограничен ситуацией и вычислительными способностями человека”» [Murphy 1992].

Экспериментальная экономика Д. Канемана расширяет фокус экономической теории. Если в неоклассической традиции экономист сосредоточен на характеристиках объекта (блага), то эксперименты Канемана высвечивают психические свойства субъекта, воспринимающего объект. Исследователь экспериментально опровергает выведенную дедуктивным путем экономическую рациональность. Накопленная этим направлением эмпирическая база указывает на то, что рациональность реального человека не совершенна и ограничена его когнитивными способностями. Таким образом, отношение субъекта действия и блага, потребность в котором он испытывает, находится в определенном «пространстве восприимчивости» (ключевое понятие в концепции Канемана и Тверски) [Пястолов 2006].

3. Институциональная экономическая теория

Интерсубъективной природой многих феноменов интересовались еще древнегреческие философы [Ананьин 2005: 99–102]. Однако классическая экономическая теория фокусируется на индивидуальных решениях человека. По словам Т. Веблена, осуществить «разрыв с классической традицией» оказалась способна лишь институциональная экономическая теория, которая предложила иную «эволюционную методологию с институциональным анализом экономического развития» [Ананьин 2005: 90–91].

- «Экономика – это открытая и эволюционирующая система, действующая в условиях природной среды, подверженная технологическим изменениям, и вовлечённая в более обширные социальные, культурные, политические и властные отношения» [Ходжсон 2000].
- «Институты – это ключевые элементы любой экономической системы, и поэтому главная задача экономиста заключается в изучении институтов и процессов их сохранения, обновления и изменения» [Ходжсон 2000]. Смысловое поле понятия «институт» включает правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющееся взаимодействие между людьми [Норт 1993: 73].
- Человек находится в определенной институциональной и культурной среде, и потому его предпочтения не являются чем-то заданным, для адекватного объяснения его поведения необходимо учитывать их влияние. Таким образом, в рамках институционализма рациональность приобретает другой смысл. Именно институты создают «упорядоченность намерений, ожиданий, действий» [Ходжсон 2003]. Но, если рациональность формируется под воздействием скрытых механизмов – социальных институтов, возникает вопрос: насколько рациональны те схемы мышления и поведения, которые предлагают социальные институты? «Проблема рационального согласования разнородных интересов является одной из важнейших в экономической теории и в социальных науках вообще» [Полтерович 1997]. Решение этой проблемы связано с «гипотезой об оптимальности естественного отбора, согласно которой в жизни выживают лишь оптимальные при имеющихся ограничениях механизмы» [там же]. Итак, в процессе естественного отбора остаются лишь экономические механизмы, институты, предлагающие оптимальное решение проблемы согласования интересов (похоже, для сторонников этой гипотезы проблема конструирования реальности была решена Ч. Дарвином). Однако вопрос о рациональности институционализированных практик очень спорный. Сегодня институционалисты уделяют много внимания изучению институциональной инерции, институциональных ловушек, QWERTY-эффектов и моделированию альтернативной истории, что позволяет констатировать неадекватность этой гипотезы реальному положению дел.
- Проблема взаимоотношений индивида и социальной структуры связана с решением вопроса о первичности нисходящей или восходящей причинной связи. «По средствам преобразующей нисходящей причинной связи институты достаточно сильно влияют на

людей», но при этом «институты зависят от намерений и действий человека», от того укоренились ли институциональные правила как привычки [Ходжсон 2003]. Большой вклад в изучение роли привычек и правил при формировании экономического сознания и, соответственно, экономического поведения внес экономист-институционалист Дж.М. Ходжсон. При этом он предупреждает об опасности отождествления привычки с автоматизмом поведения. Поскольку привычки не являются инерцией, то они могут стать основой и для рефлексивного поведения, более того – в результате сознательного решения обращения к привычке может и вовсе не произойти. Другими словами, Ходжсон обращает особое внимание на то, что человек находится в постоянном взаимодействии со структурой социальных институтов, и это вызывает его преобразование, изменение навыков, мнений, способностей, предпочтений, качеств, схем восприятия. Повторяющееся применение правил того или иного социального института приводит к появлению привычки действия и мысли. При этом привычка – это очень сложный механизм формирования поведения человека, который, как уже говорилось, не сводим к инерции, автоматизму, рефлексу. Именно поэтому «привычка – это не поведение, а склонность к определенному типу поведения в ситуациях определенного рода» [там же: 17]. При этом институционализм находит в сознании человека место и для рациональности, и для рутинных практик. Ф. Хайек наряду с правилами в анализе экономического поведения активно использовал «неявное знание» (М. Полани) [Тутов, Шаститко 2005: 122–123]. Все перечисленные факторы человеческого поведения существенно раздвигают границы «пространства восприимчивости» исследователем субъекта хозяйственной деятельности.

- Еще одним достижением институционализма является активное использование «идей и данных других наук, таких как психология, социология и антропология, для того чтобы содействовать более глубокому анализу институтов и поведения человека» [Ходжсон 2000].

4. Экономическая социология

Интересные возможности открываются для анализа хозяйственного поведения при использовании социоэкономических теорий. Во-первых, осуществляется попытка синтеза экономической и социологической моделей, когда, с одной стороны, учитывается стремление человека к получению выгоды, а с другой стороны, – признается влияние социальных институтов на поведение человека через принуждение или интериоризованные нормы (социокультурная детерминация сознания). Таким образом, в анализ вводятся следующие мотивационные переменные: интерес, социальная норма, принуждение (М. Олсон, А. Сен, Ю. Эльстер) [Радаев 2005: 99]. П. Вайзе в результате такого синтеза предложил модель Homo Socioeconomicus с оговоркой, что ее составные части как предельные случаи могут быть полезны для теоретического анализа, однако их синтез существенно сокращает дистанцию между абстракциями и реальным человеком [Вайзе 1993]. Во-вторых, осуществляются дальнейшие попытки вывести понятие рациональности за пределы максимизации полезности. Всякое последовательное (согласованное) действие интерпретируется как рациональное, и следование принуждению или социальным нормам тоже подводится под рациональные схемы. Все перечисленные тенденции способствуют продвижению экономического подхода в ранее недоступные для него области [Радаев 1997].

В качестве примера можно привести работы Л. Тевено, где он обосновывает возможности конструктивного взаимодействия экономического и социологического подходов, пытается найти точки соприкосновения между социологическим подходом с его социальными нормами и экономическим с его рациональностью. На первый взгляд, методологически они не совместимы, поскольку первый описывает коллективные действия, подразумевающие трансакции с целью сохранения социального порядка, а второй характеризует

индивидуальный выбор человека, стремящегося к равновесию. Тевено предполагает, что точка пересечения этих параллельных схем – «норма / порядок» и «рациональность / равновесие» – теория координации [Тевено 2001]. В фокусе внимания оказываются не правила, структурирующие социальный порядок, не рациональный выбор, основанный на соотношении издержек и прибыли в ситуации рыночного равновесия, а способность интерпретировать и предвосхищать действия других индивидов с целью координации взаимодействия.

5. Теория габитусов

Начать описание теории габитусов можно фразой Э. Дюркгейма: «В каждом из нас, в той или иной пропорции, живет вчерашний человек. Однако мы не чувствуем этого человека прошлого, поскольку он инвертирован в нас, он составляет бессознательную часть нас самих» [Бурдьё 1998].

Теория габитусов П. Бурдьё иллюстрирует сразу две тенденции современного развития науки – синтез подходов и преодоление оторванности от реальности. Сразу можно отметить, что эта теория наряду с явными достоинствами несет в себе характеристики, которые сторонники неоклассического подхода отнесли бы к порокам: невозможность четкой формулировки, математизации. Габитус – это система устойчивых и переносимых диспозиций, которые организуют практику и представления. Нельзя сказать, что совершенно отсутствует оценка объективных условий и расчет шансов, будущих возможностей, но и эти оценки проводятся по схемам интериоризованных габитусов. Поскольку действие габитуса скрыто, человек не воспринимает его как необходимость. При этом габитус – не безусловный рефлекс, он требует от актора идентификации ситуации.

Это иллюзия, что человек в своей практике может действовать точно так же, как «игрок, организующий свою игру в зависимости от поступающей к нему информации о его шансах на победу» [там же]. Поэтому можно согласиться с существованием детерминирующего принципа, который человек не декодирует, а воспринимает как продукт собственного мышления. «Габитус стремится преодолеть обычные противоположности, в которые мы замкнуты: детерминизм и свобода, предустановленность и творчество, сознание и бессознательное, индивид и общество. Габитус одинаково противопоставляет себя как механической необходимости, так и рефлексивной свободе» [там же]. Даваемая им свобода обусловлена и условна, она не допускает ни создания чего-либо невиданно нового, ни простого механического воспроизводства изначально заданного. В отличие от формальных правил, явно сформулированных норм, действие которых связано с принуждением, габитус – это схемы восприятия, мышления, действия. «Такая система диспозиций – прошлое, проникающее в настоящее и стремящееся продолжаться в будущем, актуализируясь в практиках» [там же]. Габитус – это принцип, структурирующий реальность.

Однако, как и любая теория, теория Бурдьё имеет границы. Во-первых, сфера приложения: наиболее эффективно применять понятие габитуса к анализу мира домашней экономики и семейных отношений (потреблению, отношению к родителям и т.д.). Во-вторых, условия функционирования габитуса должны совпадать с условиями его формирования: если человек оказывается в непривычных обстоятельствах, он не может действовать исходя из устойчивых диспозиций.

Если мы говорим о совершенной рациональности, возможной только как абстракция, то мы можем рассчитывать лишь на теоретический анализ, не более того. Подход, который предлагает Бурдьё, отражает одну из основных тенденций развития методологии социального познания – анализ жизненных практик (в данном случае хозяйственных).

Заключение

Итак, уточним основные тенденции развития социально-экономического знания.

Плюрализм подходов. Представленный анализ указывает на ситуацию, которую можно охарактеризовать как борьба альтернативных подходов. Говоря словами Т. Куна, методология экономического поведения находится в состоянии «парадигмального перехода». «Нормальная наука» (в данном случае экономическая теория), успешно функционировавшая на протяжении трех столетий, не в состоянии сегодня защитить свои границы, используя традиционные идеалы научности и инструментарий [Кун 2003: 64–65]. В ней накопилось много эмпирических фактов, противоречащих четко выстроенной теории. Для сторонников эпистемологического анархизма П. Фейерабенда подобное многообразие взглядов, как борьба с научным догматизмом, не является поводом для обеспокоенности, скорее выступая критерием для положительной оценки развития науки, фактором прогресса. В любом случае сегодня исследователь экономического поведения может выбирать альтернативные теории, а это фактически выбор между теорией и близостью к практике, «между аналитической доступностью и реализмом» [Саймон 1993: 24]. С одной стороны, плюрализм позволяет выбрать подход, более адекватный целям и задачам исследования. С другой стороны, плюрализм привел социально-экономическое знание в состояние фрагментированности [Ананьин 2005: 162].

Проблема поиска новой рациональности. Поиск новых моделей рациональности в различных социальных дисциплинах связан с общими тенденциями в науке, с пересмотром классического идеала научности, стержнем которого является рациональность. При этом социальные и поведенческие науки оказываются в более затруднительном положении. С одной стороны, происходит пересмотр позиции исследователя и способов получения знания. С другой стороны, дискуссии вокруг рациональности приводят и к изменению представлений об объекте и предмете исследования, к критическому анализу принятых моделей человека. Й. Шумпетер расставил акценты так: научная рациональность – это модель поведения исследователя, которая описывает его позицию, но не доказывает рациональность изучаемого объекта [там же]. Таким образом, можно констатировать, что архитектура смыслового содержания рациональности претерпевает постоянные изменения. Однако говорить о единстве мнений пока не приходится. Дискурсивный анализ современных работ, посвященных экономическому поведению, четко отражает общенаучные тенденции; то, что раньше рассматривали как теоретическую абстракцию, сегодня часто называют «сциентическими иллюзиями» [Гуревич 1995] или мифом о рациональности.

Анализ экономического поведения в классической традиции строился на логике исследователя, что объяснялось методологией, провозгласившей объективную рациональность. Современные исследования хозяйственного поведения выстраивают анализ на основе логики самого субъекта действия, что соответствует утверждению субъективной рациональности [Шумпетер 1] и приводит к возникновению множества типов рациональности.

Необходимость плюрализации подходов к рациональности можно проиллюстрировать исследованием В. Зелизер «Социальное значение денег», в котором автор проводит культурно-исторический анализ феномена «деньги» [Зелизер 2004: 37–38]. С одной стороны – классики, для которых деньги образуют основу рационализации человеческой жизни (Г. Зиммель писал: «Деньги свободны от каких бы то ни было качеств и определяются исключительно количеством»). С другой стороны – современные исследователи, вскрывающие социокультурные основания данного феномена, качественное многообразие форм его восприятия, зависимость денежных отношений от различных смысловых систем, ценностей, хозяйственных практик. Зелизер показывает, что восприятие сто долларовой купюры вписано в сложную смысловую систему, именно поэтому будет существенно различаться в зависимости от конкретной ситуации, от культурного контекста в целом.

Синтез подходов. Стремление в рамках научного знания получить целостное представление о поведении человека выражается также и в тенденции к синтезу различных дисциплин. Сегодня бывает очень сложно провести четкую границу между экономической теорией, философией экономики, экономической антропологией, экономической социологией. Рождаются междисциплинарные теории. Самые распространенные примеры – различные комбинации экономического, социологического, психологического подходов. Изучение экономического поведения уже не мыслимо без использования потенциала других наук (психологии, социологии).

Интерес к сознанию человека. Абсолютистская точка зрения, согласно которой знание обстоятельств конкретной ситуации дано объективно, т.е. одинаково для всех людей, является «в социальных науках источником постоянных ошибок» [Хайек 2003]. С другой стороны, осознание «несовершенства человеческого ума становится решающим и центральным фактом» [там же]. Пока не будет получен ответ на вопрос «какой смысл люди вкладывают в свои действия?», всякая попытка объяснить человеческое поведение обречена на провал. Однако стремление «сделать экономическую теорию “объективной” по образцу естественных наук замутили это понимание» [там же]. Отправной точкой в изучении результатов сознательной человеческой деятельности должно быть понимание ожиданий и намерений субъектов деятельности. Это позволит выявить и общую для всех структуру восприятия событий, и различия в конкретных знаниях людей [там же], которые обусловлены зависимостью от предшествующего опыта, от уже сформировавшихся установок, схем восприятия, мышления, поведения, от интерсубъективных образований.

Социальная эпистемология занимает место экономического империализма. Социально-экономическое знание достигло такого этапа развития, что, можно предположить, экономический империализм ему уже не угрожает. Уверенность в этом придает серьезно окрепшая и оформившаяся в последние десятилетия социальная эпистемология. Одно лишь появление особого направления – гуманитаристики, может свидетельствовать о том, что в науке происходит формирование новых идеалов научности. Возникает вопрос: а стоит ли говорить, например, о преимуществах применения математического аппарата при анализе экономического поведения, если признать, что в большинстве случаев в основе выбора схемы поведения лежит не рациональность, а другой механизм? Лучше всего ответить на него словами Й. Шумпетера: «Любая концепция может использоваться не по назначению. Более того, любая теория может быть неадекватной и просто неверной, если, например, она претендует на абсолютную применимость независимо от времени и места» [Шумпетер 1998]. Вот почему сегодня актуальна проблема установления границ различных теорий. Другими словами, критика экономического империализма не отменяет ценность экономического подхода. Безусловно, поведение Номо Economicus – это редукция качественного многообразия форм поведения реального субъекта хозяйственной деятельности. Несмотря на это модель Номо Economicus используется и в психологической практике, где она отождествляется с психотипом «рассудительного практика». И в реальной жизни есть ситуации, которые не так сильно отклоняются от смоделированных теоретических абстракций.

Возможно, наша работа поставила больше вопросов, чем дала ответов. Однако проведенный анализ однозначно указывает на то, что структура современного социально-экономического знания подвижна и открыта для поиска новых решений старых вопросов.

Литература

Автономов В.С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Истоки. Вып. 3. / Редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов, О.И. Ананьин и др.; вступ. статья Я.И. Кузьминова. М.: ГУ-ВШЭ, 1998. <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/238522.html>

Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: Методологический анализ. М.: Наука, 2005. С. 99–102.

- Бурдые П.* Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. <http://ecsocman.edu.ru/jssa>
- Вайзе П.* Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 115–130. <http://ecsocman.edu.ru/thesis>
- Веселов Ю.В.* Экономическая социология постмодерна // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 73–82. <http://ecsocman.edu.ru/jssa>
- Гребнев Л.С.* Экономика и миф – «две вещи несовместимые»? // Философия хозяйства. 1999. № 5. С. 117–130.
- Гуревич П.С.* Поиск новой рациональности // Рациональность как предмет философского исследования / Отв. ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев. М.: Институт философии РАН, 1995. С. 173–186. <http://www.philosophy.ru/iphras/library/rationality.html#1>
- Дудина В.И.* Социологическое знание в контексте эпистемологической легитимации: от автономии фактов к дисциплинарной автономии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 3. С. 40–53. <http://ecsocman.edu.ru/jssa>
- Зелизер В.* Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы / Пер. А.В. Смирнова, М.С. Добряковой под науч. ред. В.В. Радаева. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2004.
- Кизилова Н.М.* Своеобразие предмета и метода в экономической теории // Философия, наука, культура: сборник статей / Московск. гос. ун-т. М., 2006.
- Кизилова Н.М.* Человек и экономический порядок: Философия экономики в понимании социальных процессов. М.: Изд-во Московск. ун-та, 2005.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. С. 64–65.
- Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. <http://ecsocman.edu.ru/thesis>
- Полтерович В.М.* Кризис экономической теории / Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика». 1997. <http://www.cemi.rssi.ru/rus/publicat/e-pubs/d9702t/d9702t.htm>
- Пястолов С.М.* Что означает «пространство восприимчивости»: к определению термина // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 2. С. 17–35. <http://ecsocman.edu.ru/evjur/>
- Радаев В.В.* Хозяйственная мотивация и типы рациональности // Социологический журнал. 2007. № 1–2. <http://sj.obliq.ru/review/333>
- Радаев В.В.* Экономическая социология: учебное пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2005.
- Саймон Г.* Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. № 3. <http://ecsocman.edu.ru/thesis>
- Тевено Л.* Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // Экономическая социология. 2001. Т.2. № 1. С. 88–122. <http://ecsoc.msses.ru>
- Тумов Л.А., Шаститко А.Е.* Ограниченная рациональность: проблемы системности определения в междисциплинарном контексте // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 117–127. <http://ecsocman.edu.ru/ons>
- Хайек Ф.* Контрреволюция науки (Этюды о злоупотреблениях разумом) / Пер. Е.И. Николаенко под науч. ред. Р.И. Капелюшника. М.: Фонд «Либеральная миссия», ОГИ, 2003. <http://www.libertarium.ru/libertarium/contrev>
- Ходжсон Дж.* Какова сущность институциональной экономической теории? Перевод статьи: *Hodgson G.M.* What is the essence of institutional economics? // Journal of Economic Issues. 2000. Vol. 34. No. 2. P. 317–330. <http://ie.boom.ru/Referat/Hodgson.htm>
- Ходжсон Дж.* Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 4. С. 11–31. <http://ecsocman.edu.ru/evjur/>
- Шумпетер Й.* История экономического анализа // Истоки. Вып. 3 / Редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов, О.И. Ананьин и др.; вступ. статья Я.И. Кузьминова. М.: ГУ–ВШЭ, 1998. <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/238522.html>
- Murphy J.W.* Reason, bounded rationality, and the Lebeswelt: Socially sensitive decision making // American Journal of Economics and Sociology. 1992. Vol. 51. No. 3. P. 293–305. http://gallery.economicus.ru/cgi-ise/gallery/frame_rightn.pl?type=in&links=,/in/simon/critics/simon_c3.txt&img=critic.gif&name=simon